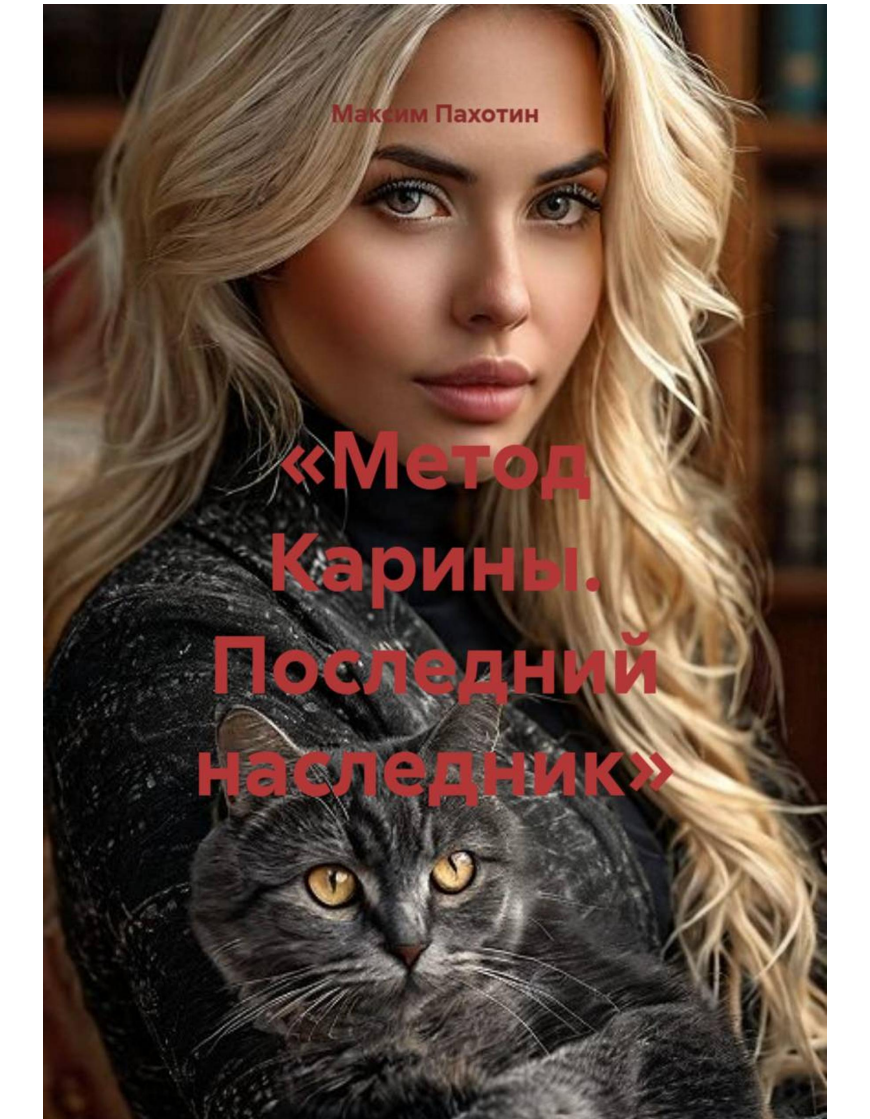

The background of the entire cover is a close-up portrait of a young woman with long, wavy blonde hair and light blue eyes. She is looking directly at the camera with a neutral expression. She is wearing a dark, textured turtleneck sweater. In the lower foreground, a grey tabby cat with bright yellow eyes is looking towards the camera. The cat's face is partially visible, showing its whiskers and ears.

Максим Пахотин

**«Метод
Карины.
Последний
наследник»**

Максим Пахотин

«Метод Карины. Последний наследник»

<https://litres.ru/74364727>

SelfPub; 2026

Аннотация

Карина — мать троих детей и жена военного. Но когда её начальницу находят мёртвой с ядом в чашке, она становится сыщиком-любителем. Улики ведут к поддельным документам 1994 года, таинственному коллекционеру и старому наследству. Пока Карина распутывает клубок шантажа и убийств, кто-то угрожает уже ей. Помогает только кот Кузьма, который знает о доме всё. Первая книга уютного ироничного детектива с петербургским колоритом. Кто убийца? И почему правда страшнее лжи?

Максим Пахотин

«Метод Карины.

Последний наследник»

Глава 1

Чем меньше денег в кошельке, тем больше вероятность, что у тебя возникнут огромные, совершенно непредвиденные расходы. Эту истину я вывела эмпирическим путём ещё в Кемерово, когда после института работала лаборантом и мечтала, что зарплаты хватит хотя бы на колбасу. Тогда я жила в общежитии, ела гречку с тушёнкой и считала копейки до зарплаты. Казалось, что как только я стану старше, всё наладится. Но с тех пор прошло десять лет, мы переехали в Санкт-Петербург, я стала старшим специалистом лаборатории экспертизы угля, муж Максим уволился из армии и теперь возглавляет смену охраны на заводе электромеханических машин, у нас трое сыновей — тринадцать, четырнадцать и восемь лет, — а деньги, как назло, всё равно любят убегать быстрее, чем я успеваю их поймать. Они утекают сквозь пальцы как вода: то ремонт в ванной, то школьная форма, то внезапный налог на квартиру, то Денису понадобились новые кроссовки, потому что старые он разбил за месяц. Максим говорит, что я слишком много трачу на кофе, но без кофе я не выживу, и это не обсуждается. Кофе — моё

топливо, моя единственная радость в это хаотичное утро.

В то утро я думала не о деньгах. Я думала о том, как же хорошо, что сегодня пятница, а значит, завтра можно будет поспать на час дольше. Правда, «поспать дольше» в нашем доме означало «не вставать в шесть утра, а в семь», потому что дети всё равно разбудят. Особенно Егорка, который в свои восемь лет умудрялся заводить будильник на пять утра, чтобы поиграть в планшете, а потом забывал его выключить. Этот будильник стал моим личным врагом, и я уже думала о том, чтобы спрятать планшет на ночь, но Егорка находил его с завидным упорством. Я уже смирилась с тем, что мои выходные начинаются не тогда, когда я хочу, а когда они решат. И если я попытаюсь утром в субботу закрыть глаза и сделать вид, что я сплю, Егорка обязательно залезет ко мне на кровать и начнёт рассказывать о новом уровне в своей игре, причём в мельчайших подробностях, включая названия всех боссов.

— Мам, а где мои носки? — раздался из коридора голос Павла, моего среднего, которому только что стукнуло четырнадцать. Он, кажется, считал, что носки должны материализовываться в его шкафу по щелчку пальцев, как в какой-нибудь компьютерной игре. Я сто раз говорила ему: если хочешь, чтобы вещи лежали на месте, клади их на место. Но он только отмахивался и говорил, что я «не понимаю современные технологии». В его понимании современные технологии означали, что вещи должны сами себя складывать, стирать

и гладить.

— В ящике, где всегда, — ответила я, наливая себе кофе в кружку с надписью «Я всё знаю, но молчу». — Там, где они лежали вчера, позавчера и всю прошлую неделю.

— Не лежат!

— Паша, у тебя их двадцать пар. Куда они могут деться?

— Я не знаю! Это ты их убрала!

Я вздохнула и отправилась в комнату старших мальчиков, которая больше напоминала поле боя, чем спальню. Рюкзаки, учебники, футболки, валяющиеся на полу, — и всё это пахло подростком и почему-то чипсами. Носки действительно лежали в ящике. Прямо на видном месте, если бы Паша удосужился открыть глаза. Я вытащила их и протянула ему, а он стоял в дверях с выражением полной беспомощности на лице, будто я только что совершила чудо.

— Павел, — сказала я тоном, от которого обычно начинали дрожать подчинённые в лаборатории, — если ты ещё раз скажешь, что я что-то убрала, когда это ты сам не можешь открыть глаза и посмотреть, я буду кормить тебя одну неделю одними макаронами без сыра. И без масла.

Сын обиженно засопел, но носки надел. Он вообще у меня парень с характером: если что не по его, начинает дуться, как мышь на крупу. При этом Павел — отличник по математике, но по русскому языку у него вечные тройки. Я уже устала объяснять ему, что грамотность пригодится в жизни, а он отвечал: «Мам, ну зачем мне писать без ошибок, ес-

ли я буду программистом?». Я говорила: «Программисты тоже пишут комментарии к коду». Он отмахивался и говорил, что комментарии можно писать с ошибками, главное, чтобы компьютер понял. Я сдалась. Выбирать битвы нужно с умом, а с подростками это вообще искусство.

Из ванной доносилось пение — это младший, Егорка, исполнял что-то про танки. Восемь лет — прекрасный возраст, когда ребёнок ещё не считает, что петь по утрам зазорно. Он пел всегда и везде: в школе, в магазине, даже в поликлинике, чем приводил медсестёр в умиление. Я иногда думаю, что он станет певцом или ведущим, потому что голос у него звонкий и он совершенно не боится публики. Сегодня он пел про Т-34, и я поймала себя на мысли, что неплохо бы запомнить текст, чтобы потом подпевать.

Старший, Денис, уже в свои тринадцать умудрялся выглядеть так, будто его жизнь — сплошная трагедия. Он сидел за столом, уткнувшись в телефон, и делал вид, что не замечает ни братьев, ни меня, ни всего мира вообще. Его волосы были взлохмачены, капюшон натянут на глаза — типичный подростковый бунт. Я посмотрела на его тарелку — каша остывала недотронутая.

— Денис, завтракай.

— Не хочу.

— Ты вчера тоже не хотел, а потом на уроке физкультуры чуть не упал в обморок.

— Я не падал. Я просто присел.

— Ты присел на асфальт и пролежал там десять минут, пока учитель не принёс воды. Учитель мне звонил и сказал, что ты был бледный как полотно.

— Ну и что? У всех бывает. Просто я не завтракал, потому что не хотел.

— Вот именно. Поэтому ешь.

Денис у нас подросток-бунтарь. Он считает, что родители ничего не понимают, а учителя — зануды. При этом он неплохо рисует, и я иногда вижу в его тетрадях забавные карикатуры на одноклассников. Но оценки по русскому и литературе у него, мягко говоря, хромают. Инна Сергеевна, классная руководительница, уже третий месяц грозит вызвать меня на ковёр. Я даже начала подозревать, что она специально ищет повод, чтобы пообщаться со мной, потому что Денис не единственный хулиган в классе, но почему-то именно его она выбрала объектом своей пристальной заботы. Может, ей просто скучно, и она хочет власти над родителями. Я решила, что на собрании буду держать оборону.

Максим, мой муж, вышел из спальни в форменной рубашке, застёгивая пуговицы. Он у меня человек военный, даже в отставке сохранил привычку вставать в шесть утра и заправлять постель так, что хоть в казарме показывай. У него выправка, подтянутость и всегда аккуратная стрижка. Я иногда шучу, что он мог бы работать моделью, но он только отмахивается. Но в том, что касается порядка и дисциплины, он был непоколебим, и я часто благодарила судьбу, что он не

пытался перевоспитывать меня — я-то человек стихийный.

— Карина, я сегодня до утра, — напомнил он, завязывая галстук. — Смена сутки.

— Знаю, Максим. Ты мне уже три раза сказал.

— А ты мне три раза не ответила.

Я улыбнулась и подошла к нему, чтобы поцеловать в щёку. Максим — единственный человек, который умеет довести меня до смеха даже в самое паршивое утро. Мы живём с ним шестнадцать лет, и за это время он ни разу не повысил на меня голос. Это, кстати, удивительно, если учесть, что я умею быть невыносимой. Особенно когда расследую убийства. Нет, я не сыщик. Я специалист по углю. Но если вы думаете, что уголь — это скучно, вы глубоко ошибаетесь. В нашей лаборатории случаются такие страсти, что любой сериал позавидует. Особенно если учесть, что начальница у нас — Людмила Петровна, женщина, которая искренне считает себя потомком императорской семьи и цыганского барона одновременно. Она носит шарфы с царскими вензелями и серьги-подвески, которые, по её словам, принадлежали её прабабке-цыганке. Она уверена, что её предки владели половиной Петербурга, хотя на самом деле она просто одержима своей генеалогией. Но о Людмиле я расскажу позже.

— Мам, а можно я сегодня не пойду в школу? — подал голос Егорка, появляясь на кухне с мокрыми волосами. Его пижама была перепачкана зубной пастой, а на голове красовался полотенце-тюрбан.

— Нет.

— Но у меня живот болит.

— Ты только что пел про танки. У людей с больным животом не поют.

— А вдруг у меня избирательный живот? Он болит только когда нужно идти в школу, а когда играть — нет.

Я закатила глаза. Восемь лет — это возраст, когда дети начинают философствовать и придумывать болезни на ходу. Егорка у меня мастер по отмазкам. В прошлый раз он сказал, что не может идти в школу, потому что «у него нога не той стороной выросла». Я тогда чуть не подавилась чаем, а Максим потом долго смеялся.

— Егор, иди завтракать. И не забудь сменку.

— А можно я сегодня надену кроссовки с динозаврами?

— Можно.

— А можно я не буду есть кашу?

— Нельзя.

— А можно я...

— Егор, — вмешался Максим, — слушайся маму.

Егорка вздохнул так, будто его приговорили к каторге, и уселся за стол. Он у нас любит вести переговоры: сначала просит одно, потом другое, потом торгуется. Если дать ему волю, он сможет выпросить всё, что угодно. Но в этот раз я была непреклонна.

Я посмотрела на часы. Без пятнадцати восемь. Через сорок пять минут я должна быть в лаборатории, а ещё нужно

завезти Егора в школу, успеть наклеить Денису пластырь на царапину (он вчера опять подрался с одноклассником из-за того, что тот обозвал его «ботаном») и заставить Павла вынуть наушники из ушей хотя бы на время завтрака. Доброе утро, Пятница.

Я налила себе ещё кофе, взяла телефон и машинально открыла школьный чат. Инна Сергеевна уже успела прислать грозное сообщение о родительском собрании. Я вздохнула и собралась ответить, как вдруг увидела новое уведомление — из нашего общего рабочего чата. От Людмилы Петровны.

«Карина, зайдите ко мне до обеда. Есть важный разговор. И, пожалуйста, никому не говорите».

Это было странно. Людмила никогда не писала мне лично в общий чат. Обычно она вызывала к себе через секретаршу или просто заходила сама. Я нахмурилась, но списала на её вечные «исторические озарения». Может, опять нашла очередное «доказательство» своей царской крови. Она могла часами рассказывать о своих якобы знатных предках, и все мы привыкли пропускать её монологи мимо ушей. Но сегодня в её голосе, даже в письменном сообщении, чувствовалась какая-то тревога, и это меня насторожило. Я решила зайти к ней, как только приеду.

Я вышла из дома, проводив детей до дверей школы (Егорка тащил свой ранец на колёсиках и пел на всю улицу, чем привлёк внимание прохожих, один из которых, пожилой мужчина, даже улыбнулся и помахал ему рукой), и поехала в

лабораторию. Васильевский остров встретил меня привычным серым небом и сырым ветром, который норовил задуть мне под куртку и вырвать из рук зонт. Я поднялась на свой этаж и уже хотела зайти в приёмную, как вдруг заметила на лестничной клетке мутную лужу с желтоватым оттенком. От неё пахло химией — резко, с ноткой аммиака. Я мысленно отметила это, но решила разобраться позже. Сначала нужно было зайти к Людмиле.

Я поднялась на третий этаж, постучала в дверь её кабинета и услышала тихое «войдите». Она сидела за столом бледная, без обычного шарфа, и сжимала в руках конверт. На столе перед ней лежала ватная палочка с каким-то налётом. Вместо привычного высокомерия на её лице застыла растерянность, и это пугало больше, чем сам конверт. Я сразу поняла, что случилось что-то серьёзное.

— Карина, вы ведь химик, — сказала она тихо, без обычного пафоса. — Скажите, что это за вещество?

Она протянула мне палочку. Я взяла её, поднесла к носу. Пахло знакомо — тот же запах, что и на лестнице. Тиокарбамид. Вещество, используемое при флотации угля, токсичное при попадании на кожу и слизистые. Я нахмурилась и почувствовала, как внутри закипает тревога.

— Людмила Петровна, откуда у вас это?

— Мне подсунули в почтовый ящик, — сказала она. — Вместе с запиской.

Она развернула конверт и показала мне листок. Коротко,

без подписи: «Откажись от наследства, или умрёшь». Бумага была обычная, принтерная, но я заметила, что края обрезаны ножницами, а не порваны — это говорило о том, что автор готовился заранее, не в спешке. Я вдруг вспомнила, что у Людмилы недавно умерла мать, и что та якобы оставила ей какое-то наследство. Но я всегда считала это выдумками, как и её царские корни.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Людмила Петровна, вам угрожают. Надо заявить в полицию. Это серьёзно, вы не можете игнорировать такие угрозы.

— Нет, — отрезала она. — Я сама разберусь. Но вы... вы никому не говорите, ладно? Я просто хотела знать, опасны ли эта дрянь.

— Опасна, — сказала я. — Если она попадёт в организм, даже через кожу, может вызвать серьёзное отравление. Вам нельзя держать это дома. Вы должны уничтожить его, но в безопасных условиях.

— Я уничтожу, — пообещала она, но я видела, что она напугана. Её руки дрожали, когда она прятала конверт в стол. Она всегда была уверенной и надменной, а тут я увидела перед собой испуганную женщину, которая боится за свою жизнь. Мне стало её жаль, но я не могла нарушить её просьбу — она просила молчать.

В этот момент в дверь постучали, и вошёл Андрей Викторович с каким-то «срочным вопросом» по поводу нового

оборудования. Людмила быстро спрятала конверт и палочку в стол и приняла свой обычный надменный вид. Я вышла, но внутри уже засела тревога. Мне не нравилось, что она отказывается от помощи. И ещё больше меня беспокоило, что именно Андрей, директор нашей конторы, появился так внезапно. Он мог быть как случайностью, так и тем, кого она боялась. Я вышла в коридор и столкнулась с Алиной, которая как раз бежала на кухню за чаем.

— Карина, ты что такая бледная? — спросила она, останавливаясь.

— Да так, — я попыталась улыбнуться. — Просто не выспалась. Слушай, ты не знаешь, Людмила в последнее время с кем-то ссорилась?

— Вроде нет. Но она последнее время была сама не своя. Говорила про какие-то документы, про наследство. Я думала, что это фантазии, а тут, видишь, реальная тревога. Она даже с Гением перестала разговаривать, а раньше они часто обедали вместе.

— Документы? Какие?

— Не знаю. Может, Андрей Викторович в курсе? Он часто с ней обсуждал что-то в кабинете, и она всегда закрывала дверь. Мне кажется, они что-то замыслили.

Я решила, что нужно разобраться. Но сначала — работа. Я пошла в свой кабинет, но мысли о конверте и угрозе не давали покоя. Я достала блокнот и записала всё, что узнала: тиокарбамид, угроза, Андрей, таинственные документы. У

меня было предчувствие, что это только начало.

Глава 2

Ночь прошла как в тумане. Я ворочалась, перебирала в голове события вчерашнего дня, и каждый раз, когда мне казалось, что я засыпаю, перед глазами всплывал конверт с угрозой и бледное лицо Людмилы. Тиокарбамид, записка, её дрожащие руки — всё это смешалось в какой-то тревожный коктейль, от которого внутри разрастался холодный ком.

Кузьма, почувствовав моё беспокойство, крутился рядом, время от времени тыкаясь носом мне в ладонь. Я машинально гладила его и думала о том, что утро принесёт новые вопросы. А может быть, и новые ответы. Но в том, что это только начало, я не сомневалась.

Проснувшись я с тяжёлой головой и чувством, что кто-то смотрит на меня. Подошла к окну, выглянула за край шторы — под фонарём никого. Но вчерашний незнакомец, который стоял у подъезда, не выходил из головы. Может, мне показалось? Или я уже начинаю видеть врагов там, где их нет? Но после вчерашней угрозы я не могла позволить себе расслабляться.

На кухне уже кипела жизнь. Максим, который вернулся под утро, успел встать, сварить кофе и даже приготовить яичницу. За столом сидел Егорка, который умудрился одновременно смотреть мультик в планшете и строить из каши башню. Павел, как обычно, копался в рюкзаке, пытаюсь найти тетрадку, которая, по его словам, «испарилась». Денис сидел

с таким видом, будто его лишили всех радостей жизни, и задумчиво разглядывал остывшую кашу.

— Денис, ешь, — сказала я, наливая себе кофе.

— Не хочу.

— Ты вчера не ужинал. Ешь, говорю.

— Мам, я не голоден, — буркнул он, но ложку взял.

Я оставила его в покое — настаивать на завтраке было бесполезно. Вместо этого я уселась рядом с Максимом и рассказала ему о вчерашнем. Все подробности: и про конверт, и про тиокарбамид, и про то, что Людмила просила молчать.

Максим слушал внимательно, не перебивая. Когда я закончила, он отложил чашку и посмотрел на меня серьёзно.

— Карина, это не шутки. Если кто-то угрожает, надо идти в полицию.

— Людмила просила не говорить. Она боится, что если я заявлю, будет хуже.

— А если она права? — сказал Максим, взяв мою руку.

— Если за этим стоит кто-то серьёзный? Я не хочу, чтобы ты рисковала.

— Максим, я не могу сидеть сложа руки, когда человеку угрожают. Тем более я единственная, кто знает об этом.

Он вздохнул и обнял меня. Я знала, что он волнуется, но он также знал, что меня не переубедить.

— Ладно, — сказал он. — Но будь осторожна. Если что — сразу звони мне. И не лезь одна в тёмные углы.

— Обещаю, — сказала я, хотя оба знали, что это обеща-

ние было далеко не стопроцентным.

Я собралась, проводила детей до школы (Егорка умудрился потерять второй носок, и мы искали его десять минут, пока он не оказался в рюкзаке у Павла), и поехала в лабораторию.

Дорога была привычной: через мост, мимо Ростральных колонн, по набережной. Я люблю Петербург ранним утром, когда он ещё не проснулся и кажется каким-то таинственным. Но сегодня я не любовалась видами. В голове крутились мысли о том, что Людмила, возможно, уже получила вторую угрозу. Или что-то случилось. Внутри засела тревога, которая не давала покоя.

Я припарковалась у здания, поднялась на свой этаж, и на лестничной клетке снова увидела ту самую лужу. Она почти высохла, но на кафеле остался желтоватый налёт. Пахло тем же резким аммиачным запахом. Я нахмурилась. Это не могло быть случайностью. Я специально принесла с собой из дома стерильный контейнер и перчатки — после вчерашнего решила, что буду готовиться ко всему. Присела на корточки, аккуратно собрала остатки жидкости, запечатала контейнер и убрала в сумку.

— Карина, ты чего там копаешься? — услышала я голос Алины.

Она стояла на площадке выше, с чашкой чая в руках, и с любопытством смотрела на меня.

— Да так, увидела лужу, подумала, что кто-то из наших

пролил реактив, — сказала я, стараясь говорить спокойно.

— Я вчера тоже заметила, — ответила Алина. — Думала, что это Гений опять натворил дел. Ты же знаешь, он вечно всё проливает.

— Он сказал, что это не он, — сказала я, поднимаясь.

— Ну, он мог и не признаться, — усмехнулась Алина. — Ладно, пойдём, у нас сегодня с утра совещание.

Я поднялась на третий этаж, зашла в свой кабинет, и первым делом закрыла дверь. Достала блокнот и записала:

Лужа с тиокарбамидом на лестнице — подтверждено повторно.

Алина видела её вчера.

Гений отрицает свою причастность.

Я решила, что на совещании буду внимательно наблюдать за всеми. Кто-то в здании явно имел доступ к тиокарбамиду, и этот кто-то оставил лужу на лестнице. А может, и подсунул конверт Людмиле.

Совещание прошло как обычно. Андрей Викторович сидел в главе стола и вещал о новых планах и отчётах, но я его почти не слушала. Я смотрела на Юрия, который сидел в углу, перебирая бумаги. Он был тихим и незаметным, всегда погружённым в свои мысли. Но вчера, когда Людмила показывала мне конверт, он как раз прошёл мимо кабинета. Я видела его через стеклянную дверь. Он шёл медленно и смотрел в пол. Может, это просто совпадение? Или он что-то знал?

После совещания я подошла к Гению. Он сидел за своим компьютером и, как всегда, что-то программировал.

— Гений, я хочу спросить кое-что, — сказала я, присаживаясь на край его стола.

— Карина, ты меня пугаешь, — улыбнулся он. — Ты всегда так садишься, когда собираешься задать неудобный вопрос.

— Ты вчера не проливал реактивы на лестнице?

— Нет, — удивился он. — Я вообще вчера не работал с реактивами. Я был в столовой, а потом проверял базу данных. А что?

— Да так, просто спросила.

— Карина, ты чего-то не договариваешь, — нахмурился он.

— Всё нормально, — улыбнулась я. — Просто проверяю детали.

Я отошла от его стола, чувствуя, что он говорит правду. Гений был не из тех, кто врёт. Он вообще был человеком прямолинейным и честным до мозга костей. Если бы он что-то пролил, он бы признался.

В обед я осталась в лаборатории, чтобы доделать отчёт. Алина ушла на склад за расходниками, Гений — в столовую, он всегда ходил в одно и то же время и никогда не опаздывал. Юрий курил на улице — я видела его силуэт за окном. Андрей Викторович куда-то ушёл, оставив дверь своего кабинета открытой. Вдруг я услышала глухой стук из кабинета

Людмилы, а следом — звук падающего тела, тяжёлый и глухой, как будто мешок с углём свалился с полки.

Я выскочила из-за стола и побежала к её двери. Она была приоткрыта. Я толкнула дверь и замерла.

Людмила лежала на полу лицом вниз, раскинув руки в стороны. Рядом валялась чашка с недопитым чаем, на столе — пустой конверт. Я перевернула её на спину и ахнула. Глаза открыты, стеклянны. Из рта — пена с коричневатым оттенком. На шее — две странные полосы: одна толще, другая тоньше, красные и воспалённые.

Я наклонилась к чашке и понюхала. Запах аммиака и горечи. Тиокарбамид.

Я не стала ничего трогать. Быстро закрыла дверь и вызвала полицию с мобильного. Потом, в перчатках, взяла чашку и остатки жидкости из конверта, завернула в салфетку и убрала в свой сейф.

Затем подошла к сейфу за её столом. Он был открыт. Внутри, за папками с отчётами, лежала фотография. Я вытащила её — на снимке Андрей Викторович и мой сосед-инженер Костя пожимали руки у склада с надписью «Реактивы-Сервис». На обороте — дата, ровно две недели до убийства, и надпись карандашом: «Забрать яд у Кости».

Я сунула фотографию в карман и закрыла сейф.

Через двадцать минут приехала полиция. Майор Соколов, усталый, в мятом пиджаке, выслушал моё объяснение, опросил коллег. Я рассказала, что услышала стук и увидела тело.

Но про тиокарбамид и фотографию промолчала.

— Значит, вы ничего не трогали? — спросил Соколов.

— Только перевернула её, чтобы проверить пульс.

— Хорошо. Если что-то вспомните — звоните.

Он дал мне визитку и ушёл.

Когда все ушли, я подошла к Гению. Он стоял в коридоре бледный, нервно теребя свой шарф.

— Гений, ты не знаешь, зачем Людмила встречалась с Андреем в последнее время?

— Не знаю, — ответил он. — Но она говорила, что у неё есть важные документы, и она боится, что их украдут. Даже просила меня последить за кабинетом. Я думал, она шутит.

— От кого она боялась?

— Не сказала. Но упоминала какого-то «коллекционера».

«Коллекционер С.» — вспомнила я список в её компьютере.

Я вернулась в свой кабинет и открыла ноутбук Людмилы. Пароль — «Хорошо». Папка «Архив». Файл «Покупатель». Три фамилии: Андрей Викторович, Коллекционер С., Архивист из Москвы.

Я сфотографировала экран и закрыла папку.

Вечером, когда я выходила из лаборатории, мне пришло сообщение: «Ты близка, но не слишком. Остановись».

Я оглянулась — на улице никого.

Дома — конверт без марки. Внутри — записка: «Ты слишком много ищешь. Не суй нос не в своё дело».

Я позвонила Максиму.

— Дорогой, ты сегодня вернёшься?

— Только утром. А что?

— Ничего. Просто... будь осторожен.

Я не стала рассказывать ему о записке. Он бы начал волноваться. Но внутри у меня закипала злость. Кто-то пытался меня запугать. Но я не из тех, кто отступает.

Я села на кухню, налила себе чай, Кузьма запрыгнул на колени. Взяла блокнот и записала:

Тиокарбамид в луже и в чашке Людмилы — один источник.

Фотография Андрея с инженером Костей.

Список покупателей: Андрей, Коллекционер С., Архивист.

Угрозы мне и Людмиле.

Ночь я не спала. Кузьма крутился рядом, пытаюсь успокоить. Но мысли о деле не давали покоя.

Кто такой Коллекционер С.? Почему Людмила держала фотографию Андрея с инженером в сейфе? И зачем кому-то угрожать мне, если я ещё даже не начала расследование?

Утром я встала раньше обычного. Максим ещё не вернулся. В доме тихо. Я заварила чай, села за стол, перечитала записи.

Первым делом нужно поговорить с инженером Костей. Если он продал яд Андрею, возможно, он знает, зачем тот его покупал. Или, может быть, он продал яд не только Ан-

дрею, но и кому-то ещё.

Я оделась, накормила Кузьму, и поехала в лабораторию. По дороге позвонила Косте — не ответил. Оставила сообщение.

В лаборатории было тихо и пусто. Все в шоке. Алина сидела красная, с заплаканными глазами. Гений ходил мрачный, даже не шарфился. Юрий взял отгул.

— Карина, это ужасно! — воскликнула Алина. — Кто мог это сделать?

— Мы выясним, — сказала я. — Ты не знаешь, с кем она общалась в последнее время?

— Спорила с Андреем. И с Гением трения были. Но чтобы убить...

— А ты знаешь о её наследстве?

— Наследстве? — удивилась Алина. — Я слышала, что она хотела продать какие-то документы. Но никто не знал, что за документы.

Я кивнула и пошла в свой кабинет. Ответы можно найти только если продолжать копать.

Вечером поехала к инженеру Косте. Дверь открыла его жена.

— Здравствуйте, — сказала я. — Я хотела бы поговорить с вашим мужем.

— Он в командировке, — ответила она. — Вернётся через неделю.

Я поняла, что придётся ждать. Но у меня не было времени.

Нужно действовать прямо сейчас.

Я вернулась домой, села на кухню. У меня было предчувствие, что самое страшное ещё впереди.

Я взяла телефон и набрала номер Соколова.

— Майор, я хочу сообщить кое-что. У меня есть улики.

И я начала рассказывать. Про тиокарбамид, про фотографию, про угрозы.

Соколов слушал молча. Потом сказал:

— Это серьёзно. Приезжайте в участок. И будьте осторожны — если кто-то следит за вами, не рискуйте.

Я положила трубку и посмотрела в окно. За ним сгушались сумерки, и в свете фонарей кружились первые снежинки.

Неужели это только начало?

Я погладила Кузьму, который улёгся на моих коленях, и подумала о том, что завтра нужно будет съездить в архив. Что-то подсказывало мне, что именно там кроется разгадка.

И ещё я должна была узнать, кто такой Коллекционер С. Возможно, он был тем самым человеком, который стоял за всем этим.

Я выключила свет и пошла спать. Но сон не шёл. В голове крутились фотография, конверт, список покупателей.

Кто-то явно не хотел, чтобы я копалась в этом деле. Но я уже увязла по уши. И отступить было некуда.

Интерлюдия 1. — на кухне, вечер

От лица Кузьмы

Я, Кузьма, главный хранитель этого дома и верховный наблюдатель за порядком, должен отметить: моя хозяйка сегодня странная. Она пришла с запахом, который я не люблю — резким, едким, как если бы она нюхала что-то очень неприятное. Я обнюхал её руки и громко чихнул. Обычно она смеётся и гладит меня, но сегодня она даже не обернулась. Села за стол и начала что-то писать в своей тетрадке, хмурясь.

Я решил напомнить о себе — запрыгнул на колени, как делаю всегда, чтобы она знала, что я рядом и что её обязанность — уделять мне внимание. Но она меня отодвинула! Сказала: «Не сейчас, Кузьма». Я обиделся. Я не люблю, когда меня игнорируют. Я — не просто кот, я — центр вселенной, и любое отклонение от этого правила нарушает гармонию.

Я отошёл на подоконник и стал наблюдать. Она перебирала какие-то бумаги, потом позвонила кому-то и сказала: «Он сбежал». Я наострил уши. Кто сбежал? Может быть, мышь? Или тот противный пёс с первого этажа? Но она говорила так серьёзно, что я понял: это не мышь.

Я спрыгнул с подоконника и снова подошёл к ней. На этот раз я потёрся о её ногу и громко замурлыкал. Она опустила руку и почесала меня за ухом. «Ох, Кузьма, — сказала она, — что бы я без тебя делала?». Я замурлыкал громче. Вот теперь порядок. Теперь я на своём месте — у неё на коленях, охраняю её покой. Что бы она без меня делала, действительно.

Но я всё равно буду следить. Если этот «он» сбежал, значит, он опасен. И если он посмеет тронуть мою хозяйку, я выпущу когти. Я не шучу.

Глава 3

Проснулась я от того, что Кузьма решил проверить, не превратилась ли я за ночь в подушку. Он стоял у меня на груди и мяукал прямо в лицо, словно говорил: «Эй, хозяйка, ты где? Тут завтрак пропадает!». Я открыла один глаз, посмотрела на кота, потом на часы — половина седьмого. За окном было серо и сыро, мелкий дождь барабанил по стеклу, и казалось, что весь мир решил накрыться одной большой мокрой простынёй.

Я села на кровати, потянулась, чувствуя, как хрустят все суставы. Вчерашний день был таким насыщенным, что я едва успела переварить все события. Людмила мертва, у меня в сейфе лежат улики, а кто-то уже успел прислать мне угрозу. И теперь я сижу на кухне, пью кофе и пытаюсь понять, с чего начать сегодня.

Максима рядом не было — он уехал на работу ещё затемно, оставив на столе записку: «Карина, я взял твою машину, свою отогнал в сервис. Заберёшь вечером. Целую». Я вздохнула. Опять без колёс. Ну и ладно, метро — это тоже опыт. Зато можно подумать.

Я налила себе вторую чашку кофе и открыла блокнот. Вчерашние записи выглядели как карта сокровищ: тиокар-

бамид, фотография, список покупателей, угрозы. Я перечитала всё несколько раз, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку, которая привела бы меня к Коллекционеру С. Кто он? Почему Людмила держала его имя в списке вместе с Андреем? И почему она прятала фотографию Андрея и инженера Кости в сейфе?

Я решила, что сегодня первым делом нужно поговорить с Андреем Викторовичем. Он был последним, кто видел Людмилу живой, и он же фигурировал в списке покупателей. Если он хотел купить документы, возможно, он знает, кто их продавал. Или, может быть, он сам был тем самым Коллекционером С.?

Я быстро оделась, накормила Кузьму (он смотрел на меня с укором, потому что я дала ему не тот корм, но съел всё равно), и разбудила детей. Утро началось с привычного хаоса: Егорка снова не мог найти свой рюкзак (он оказался под кроватью), Павел умудрился залить молоком учебник по физике, а Денис сидел за столом с таким видом, будто его жизнь — сплошная трагедия.

— Мам, а можно я сегодня не пойду в школу? — спросил Егорка, натягивая футболку задом наперёд.

— Нет.

— Но у меня живот болит.

— Ты вчера сказал, что болит голова. Сегодня — живот. Завтра что? Нога?

— Нога уже болела, — серьёзно ответил он. — Я уже го-

ворил, что она не той стороной выросла.

— Егор, иди завтракать, — вздохнула я. — И надень футболку правильно.

Он вздохнул, как мученик, и переоделся. Денис молча пил чай, уткнувшись в телефон, и делал вид, что не замечает меня. Я решила не лезть к нему с расспросами — он всё равно бы ничего не сказал. Подростки — это отдельная вселенная, в которую лучше не соваться без крайней необходимости.

Я разобралась с детьми, проводила их до школы (Егорка пел на всю улицу что-то про космос, и прохожие улыбались), и поехала в лабораторию.

В метро было душно и многолюдно. Я стояла в тамбуре, прижатая к двери, и думала о том, как много ещё предстоит выяснить. Выйдя на станции «Василеостровская», я почувствовала холодный ветер с залива. Застегнула куртку и быстро пошла к зданию.

В лаборатории было тихо. Все сотрудники ходили мрачные, почти не разговаривали. Смерть Людмилы повисла в воздухе как тяжёлая туча. Алина сидела за своим столом с красными глазами и пила успокоительное. Гений нервно тербил шарф и смотрел в монитор, хотя, судя по его взгляду, он ничего не видел. Юрий появился, но выглядел бледным и подавленным. Он сидел в своём углу и перебирал бумаги, стараясь ни с кем не встречаться глазами.

Я подошла к Андрею Викторовичу. Он стоял у окна в своём кабинете и смотрел на улицу. Лицо его было серым, под

глазами залегли тени. Он выглядел так, будто тоже не спал всю ночь.

— Андрей Викторович, — сказала я, входя без стука. — Мне нужно задать вам один вопрос.

Он вздрогнул, обернулся и посмотрел на меня с испугом.

— Карина, ты знаешь, что я не убивал. Ты же не думаешь...

— Я ничего не думаю, я хочу знать правду. Вы покупали тиокарбамид у инженера Кости, да? — я вытащила фотографию из кармана и положила её на стол.

Он побледнел так сильно, что, казалось, вот-вот потеряет сознание. Его руки задрожали.

— Откуда у тебя это? — прошептал он.

— Из сейфа Людмилы. В день её смерти. Так вы покупали яд?

Он закрыл глаза и тяжело вздохнул. Потом заговорил — тихо, срывающимся голосом:

— Да, я купил тиокарбамид. Я хотел... я хотел только напугать её. Она не хотела продавать мне документы о земле в Пушкине, говорила, что они не её, а её отца. Я думал, что если она получит эту дрянь в конверте, она испугается и отдаст бумаги. Но я не хотел её убивать, Карина! Клянусь тебе!

— Тогда как яд оказался в её чае?

— Я не знаю! — он чуть не заплакал. — Я не подсыпал его в чай! Я только оставил конверт в её почтовом ящике, и всё! Я думал, она просто испугается и позвонит мне. Но когда я

узнал, что она мертва, я понял, что кто-то другой добавил яд в чай после того, как я оставил конверт.

— Вы были в её кабинете в день смерти?

— Да. Я заходил к ней до обеда, чтобы поговорить о документах. Но она была жива! Она кричала на меня, говорила, что ни за что не отдаст документы, и выгнала меня. Я ушёл, а через час я услышал, что она мертва.

— Вы заходили к ней в обед? — спросила я, стараясь говорить ровно.

— Нет! Я был в столовой весь обед, там есть камеры, они подтвердят!

Я записала это в блокнот. Если у него есть алиби, значит, он не мог влить яд в чай в обед. Но кто-то же сделал это. Может быть, Инна Сергеевна?

— Андрей Викторович, вы знаете, что Инна Сергеевна — дочь нотариуса, который работал с отцом Людмилы?

Он опешил.

— Инна Сергеевна? Учительница? Нет, я не знал. Зачем она связана с этим?

— Её отец был тем самым нотариусом, который подделал документы в 1994 году. Возможно, она что-то знала или хотела получить документы, чтобы скрыть следы.

Андрей побледнел ещё сильнее.

— Но зачем ей убивать Людмилу?

— Чтобы получить документы и уничтожить их. Или чтобы продать их тому самому коллекционеру, который фигу-

рирует в списке покупателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.